
Глава XXVI^a.

Розанов⁵⁶⁷

После обломков русской власти и общественности следует коснуться и обломков русского гения. Ибо ведь и этот пышный цветок на голенастом стебле русского быта приложил свою руку к процессу нашего распада.

Два сокровища, как два клада у пушкинского Кочубея, были у нас: наш несравненный язык и наш несравнимый талант. Кому еще Бог отсыпал в такой мере этих сокровищ? Данте, Шекспир, Гете, Сервантес! Облечены ли они были, как наши Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой, миссией и мощью отобразить весь гений своего народа, всю святость и весь грех его, и эту ношу на виду и на пользу всего человечества пронести к престолу всевышнего, как Кочубей нес к этому престолу свой третий клад? У Кочубея он был: «святая месть». У русского гения — святое прощение. «Ныне отпускаеши» — такова сердцевина русского гения — таковой она **должна** быть.

Достоевский сказал Мельхиору Вогюэ: «В нас, кроме русского гения, есть гении всех народов, — поэтому мы можем вас понять, а вы нас понять не можете»... Но ведь понять, значит простить. Если гений — осколок божества, то сущность его не может быть ничем иным, кроме любви. Об этом ведь и думал Достоевский в своей знаменитой речи на пушкинском празднестве в Москве. Это повторил он и французскому писателю, — о ноше, о долге любви, которыми оделен, не в пример другим, русский гений. А между тем, сам он был злокой. Вогюэ называет его «соединением медведя с ежом». Такими соединениями запестрел с середины прошлого века весь пышный ковер нашего гения, с преобладанием в отдельных случаях то медведя, то ежа.

Как и общественность, и власть, гений заразился общим нам недугом — злостностью. Наш талант стал «жестоким». Вслед за Белинским большим пошли Белинские малые: плеяда одареннейших поэтов, беллетристов, философов и журналистов, выращивших на своих дарованиях осиные жала. Уже к первой нашей революции эти жала искусили тело русского быта. А ко второй тело это представляло сплошной волдырь. Таким оно остается и по днесь, по ту и по сю стороны русского шлагбаума.

^a Предыдущая строка зачеркнута Из книги: «Ныне отпускаеши».

Потеряв любовь, наш гений потерял и свою вселенскость. Мы еще утешаем себя: нация, давшая Герцена, Пушкина, Гоголя, не погибнет. Мы даем здесь некоторые образы правопреемников Герцена (Меньшикова, Дорошевича, Амфитеатрова) и образы виднейших правопреемников Пушкина и Гоголя. Не разнообразность и силу их таланта мы имеем в виду, а лишь общую им черту: отсутствие любви. Ибо только эта хворь русского гения способствовала распаду России. Одушевленные лучшими намерениями, сверкавшие чарами своих дарований, тянувшиеся, как цветы к солнцу, к истине, наши богоискатели и правдоискатели, властители наших дум, заглядевшись на самих себя и злобно друг с другом столкнувшись, не нашли ни Бога, ни правды, а потеряли Россию.

* * *

Про Дорошевича говорили — «Влас», про Розанова — «Васенька». О бок с осанистым, гудящим боярином «Власом», вихрастый, сюсюкающий «Васенька» казался приказной крысой. У Розанова эта приказность отталкивала еще больше, чем у Меньшикова: Меньшиков сглаживал ее угрюмостью, Розанов подчеркивал гаерством. «Ванечка» Мануйлов, «Васенька» Розанов и «Юрка» Беляев — были тремя венямичиками газеты Эртелева пер[еулка] («Нов[ое] вр[емя]»). Философ, гуляка и пройдоха в поздние ночные часы поднимались из подвалов редакции в роскошный бельэтаж Суворина и там тешили скучавшего старика, один — глубокомыслием, другой — шантажной ловкостью, третий — пьяным враньем. Всем трем до зарезу нужны были деньги и все трое под утро их добывали.

Про Розанова Суворин как-то писал: «У нас лишь два философа — Соловьев и Розанов (не считая Сквороды); но Соловьев уже переспел, а Розанов не доспел»... У барствовавшего Суворина была слабость к заискивавшему Розанову: оттого ли, что Суворин ничего в розановской философии не понимал, или оттого, что Розанов был типичным разночинцем, напоминавшем «великого Достоевского». Бесконечные философские беседы с Розановым старик прерывал неизменным рефреном: «Вы все врете, Василий Васильевич»... Розанов хихикал, а старик вбирал и выпускал паучье жало и любовно поблескивал змеиными глазками. Нововременские киты ущемляли это учреждение между безднами глубокомыслия и легкомыслия, между похотью Фавна и беспутством Вакха. Поругивая то и другое, Суворин тянулся к тому и другому. Розанов обольщал его не только своим бездонным глубокомыслием, но и своим безбрежным сладострастием. В этом сюсюкающем приказном, до геройства дерзком мыслями и трусливым до подхалимства плотью, сочетались слон и насекомое. Своими слоновыми мыслями Розанов импонировал, своими жучьими чувствами — бесил. Про Розанова в левой печати писали, что он «выходит на улицу в нижнем белье и даже без белья»...

* * *

Явление Розанова заслуживает не фельетона, а книги. Под внешностью шута билась в вечном трепете извилистая, ущемленная между пропастями душа, достойная анализа Достоевского. Под вихрами неопрятной головы покоился мозг,

достойный бессмертия. Но от розановской души остался чад, а от розановского гения — если уже не истлевшие, то скоро имеющие истлеть, бессвязные, порой безумные, устремления. Не в одной России на закате 19-го века вспыхивали, что ржавые зарницы, такие полубезумные гении. В европейской обстановке Розанов дал бы русскую разновидность маркиза Сада и Спинозы. Оголенные, дразнящие проблемы пола и духа, культ фаллоса и чадородия, причудливая, туманящая смесь языческого с божественным, Аполлона с Моисеем, — вот что, пока, осталось от розановского гения.

* * *

Типичнейший российский интеллигент, Розанов, как и Суворин, начал свою карьеру бедным учителем. Литературную известность дала ему книга «Сумерки просвещения»⁵⁶⁸. Книгой этой Розанов вонзил нож в самое болезненное место царского режима — в царскую школу, где лепили российских верноподданных. Книга эта революционнее многого, что писал о России Герцен и Чернышевский. Естественное русло развития розановского гения после такого начала должно было устремиться в сторону революции, где плескались в ту пору муза Михайловского, Стасюлевича, Скабичевского. Из Розанова мог бы выработаться русский Вольтер. Но судьбе угодно было загнать этого опасного подкапывателя под российские устои в стан охранителей и эксплуататоров этих устоев. С ним случилось то же, что и с Меньшиковым — оба попали в золотые нововременские сети, оба продали свое старшинство за чечевичную похлебку.

Огромный розановский интеллект шел на буксире никчемной розановской оболочки и мелкой, трусливой душонки. «Люблю теплый навозец» — восклицал он в минуту распоясанной откровенности. Объятый вечной похотью и в соку российской обывательщины, Розанов-человек барахтался в этом навозе, покуда Розанов-мыслитель решал надзвездные проблемы бытия. Никто не любил так темных щелей российской обывательщины с запахом кухни и детской, жидким чаем на блюдечке и жирным поцелуем на вечно ищущих губах, никто так наивноцинично не сознавался в своих животных слабостях, не демонстрировал их и не освещал, возводя акт размножения в высшее духовное задание человечества. Выбегая на улицу в нижнем белье, он тащил за собой полуодетыми свою жену и детей. В одной из таких своих экскурсий Розанов восклицает: «В дни, следующие за удовлетворением моей половой любви к жене, чувствую себя божественно: не кровь, а молоко в жилах...»

Жена краснела, а муж облизывался. На закате дней Розанов написал книгу (заглавия не помню), где изложены сокровеннейшие помыслы и ощущения этого насекомого с мозгом Сократа⁵⁶⁹. По смелости и глубине книга эта гениальна. Но она непристойна даже для дома свиданий. А Розанов воспитывал на ней своих детей...

Три грани, о которые бились маленькая душа и крупный ум этого человека, были: пол, религия и политика. В корню этой тройки был пол, этика и политика скакали в пристяжках. Но пристяжные так резво навозили, что коренник едва за ними поспевал. Розанов-Свидригайлов то и дело кутался в тогу Савонаролы и Пожарского. И оскорблял. После кн[язя] Мещерского и Меньшикова никого так злобно не терзала наша левая, да и правая печать, как Розанова.

* * *

Для русской либеральной мысли розановский одиум был в его политических взглядах. Для мысли религиозной — в его чувственном иудаизме. Но и политика, и религия лишь омывали изрезанные, хаотичные берега его существа, не касаясь загадочной глубины материка.

До сотрудничества в «Нов[ом] вр[емени]» и до основания «Религиозно-философского общества» Розанов вовсе не проявлял ни своих политических, ни религиозных взглядов. Как всякий русский разночинец-интеллигент, он был в оппозиции самодержавному правительству и официальной православной церкви. В качестве истолкователя гения Достоевского и его продолжателя Розанов не забывал ссылки великого писателя и его тезиса: «Церковь в параличе». Но Розанов был трус и обожал «теплый навозец» русского быта. Навозец этот для него был в столовой, спальне и детской. Только пройдя через них и получив в них полное удовлетворение, Розанов становился философом и антицерковником. За спиной своей он должен был чувствовать жирную кулебяку, жирную жену, шумливых детей и светящую лампадами божницу. Самые глубокие и смелые мысли Розанов ронял, отирая свой мокрый рот, прижимаясь к жене и детям.

В цитадели Эртелева пер[еулка] Розанов раздобрел и осмелел. Переселившись из Мещанской на Шпалерную, обзаведясь стильной гостиной и красного дерева кабинетом, этот интеллигент-пролетарий почувствовал себя буржуем-капиталистом. А ласка всемогущего Суворина, бесшабашная удаль эртелевского редакционного быта и возможность за стенами нововременской цитадели решительно все говорить и писать, дав развитие низменным инстинктам этого бурсака, перенесли розановское хулиганство извне вовнутрь его. Ароматные, хотя и резко оппозиционные мысли его до вступления в «Нов[ое] вр[емя]» были последними. С конца прошлого века Розанов все смелее и злее углубляется в скабрёзно-лукавое философствование. Венцом этой философии стали его два творения: политическое — «Когда начальство ушло» и религиозное — «Сладчайший Иисус». Политическую идею Розанов продал за кучку «теплого навозца». Христианскую — за торжество своей распоясанности. В первом случае ему нужно было одеть и обуть семью; во втором — насолить церковности.

* * *

Розанов был философом Божией милостью, — но философом не абстракции, а субстанции. Розановский ум, шутя, одолевал философские Монбланы Декарта, Карлейля, Конта, Канта и Фихте. «Критику чистого разума» он цитировал, как роман. По философской эрудиции в России не было ему равного. (Страхов, Данилевский, Соловьев превосходили Розанова цельностью мировоззрения, философским планом, но не эрудицией). Такие «умники» из розановских современников, как Мережковский, Гиппиус, Лев Шестов, Бердяев и друг[ие], трепетали перед «Васенькой»: хихикая и сюсюкая, этот жук бил слонов.

Но вот, покуражившись на верхах, жук оседал к низам, на свой «навозец», с Олимпа прыгал в спальную и детскую. И тогда его брали голыми руками: тогда любой осел лягал правопреемника Достоевского и Соловьева...

* * *

На жизнь с ее загадками и глубинами Розанов глядел сквозь экстаз пола, но не глазами развратника. В этом и было заблуждение врагов Розанова. Он и впрямь поклонялся культу фаллоса, но не как помпеец, а как иудей. Розановское сладострастие целиком устремлялось к чадородию. Этот жук был чадородцем Божьей милостью. Он не прочь был бы даже метать икру^а. Обожествив пол, Розанов приник к нему с вожденной молитвой. В одном из своих сочинений он писал: «Опустите на дно брачного завитка икону, и мерзкое станет святым». Плотская любовь была для него подлинной молитвой. Хлыстовщина? Быть может. Но эта хлыстовщина сидела у него не только в нервах, в коже, но и в мозгу. Он был вечным рыцарем плоти. Он был вечным врагом аскетизма. Красивый самец говорил ему больше, чем св[ятой] Антоний⁵⁷⁰, древний храм с альковами для брачующихся ему был дороже базилики св[ятого] Петра.

— Девство должно отдаваться у подножия алтаря, а не в спальном вагоне, — говорил он. — Истинное целомудрие приобретается только под венчальной фатой... Целомудренны женщины, а не девушки... Разврат внесли в мир девственники и аскеты.

Целые тома розановской «навозной» философии посвящены этим дразнящим темам. Темы эти воспринимались не так, как хотел Розанов, а так, как хотели «огарочники» и вся развинченная, сластолюбивая молодежь 900-х годов. Сексуальная философия Розанова уготовляла путь теперешней сексуальной большевизации; его религиозная философия — теперешнему безверию. **А между тем, если читать Розанова умом и сердцем, а не нервами, многое, за что его казнили, может быть ему прощено и даже от него воспринято. Розановская философия плоти и духа сводилась к тому, чтобы сблизить, а не разъединить эти два элемента жизни, чтобы одухотворить плоть, чтобы низменное поднять до религиозного.** Но нервные последователи Розанова устремились к плоти, перешагнув через дух — к фаллосу, опрокинув Вифлеем. И не икону заложили они в «брачный завиток», а бутылку шампанского и парижскую модель.

Огромное влияние на тогдашнюю молодежь возымели и розановские выступления в «Религиозно-философском обществе». Общество это он основал вместе с Мережковским, Гиппиус, Карташевым, Тарнавцевым, еп[ископом] Антонином и друг[ими].

С первых же заседаний общества обнаружили два его непримиримых полюса, две ипостаси, два интеллекта, вокруг которых завилась тогдашняя духовно-революционная мысль: иудаизм и эллинизм, философия Востока и Запада. На этих двух осях вертелся злой спор тех дней, — спор, по существу своему революционный, хотя в нем принимали участие высшие иереи той эпохи, и на нем была пломба архиреакционного правительства Сипягина. Спор этот, между прочим, положил начало известности епископа Антонина, тогда еще скромного, но уже злостного архимандрита Александро-Невской лавры, в келье которого бурные диспуты сменялись еще более бурными дебошами. «Васенька» был неизменным участником и этих диспутов, и этих дебошей, вполне подчинив своему влиянию

^а Розанов утверждал, что живородящие рыбы были сладострастнее насекомых (прим. автора).

бурный темперамент и исключительную ученость будущего главы живой церкви. Эта церковь, как и половая мораль современной России, — дело рук тщедушного сюсюкающего Розанова.

* * *

В области духовно-нравственной «Религиозно-философское общество» сыграло почти ту же роль, как впоследствии Государственная дума в области политической — роль не примиряющую, а разделяющую. Истоки духовной русской революции — на Чернышевой площади Петрограда, в здании бывшего Министерства народного просвещения. Доклад Розанова «Сладчайший Иисус» произвел на русское общество той эпохи впечатление милюковского «Глупость или предательство?» Основы христианства и православия были поколеблены именно тогда. На Чернышевой площади, под сенью высших иереев церкви и под охраной самодержавия, Христос был если не распят вторично, то еще раз оплеван и осмеян. Нововременский сотрудник вознес над Голгофой и над христианским смирением торжествующий альков и самодовление.

Разорвавшаяся бомба не произвела бы большего впечатления, чем доклад о «сладчайшем Иисусе». Как сейчас вижу дьявольский смешок на мокром рту Розанова и его лукавый, косой взгляд на шарахнувшихся, уцепившихся за кресты иереев. Вижу искривленное гримасой бледное лицо Мережковского, тонкую улыбку Гишиус и застывшую в ужасном ожидании аудиторию.

— Христос — варенье. Христианство — спитой чай. Все вместе — чай с вареньем... Религия импотентов... Прав «великий инквизитор» — в наши дни Христа посадили бы на цепь: за лукавство, провокаторство, бунт и проповедь бесплодия...

Таковы главные тезисы этого трактата. Между двумя столпами религиозно-философского общества — Розановым и Мережковским — начался тогда спор об оплотнении духа и одухотворении плоти, об аскетизме и чадородии, о Моисее и Аполлоне, об эротизме освященном и эротизме освящающем, словом — та духовно-плотская абракадабра, что разрешалась потом в поэзии футуризм Маяковских и Брюсовых, в прозе эротизмом Соллогубов и Арцыбашевых и почти всеобщим свальным грехом.

Заканчивая на этом наш весьма поверхностный очерк (скорее — профиль) одного из крупнейших интеллектов XX-го века, ставшего, благодаря обстановке, где он работал, дурному пониманию его современниками и отсутствию всепрощающей любви, одной из причин духовно-плотского распада России, мы надеемся, что наступят дни, когда философия Розанова будет лучше понята и воспринята, и что в таком случае она еще сыграет роль в духовном русском возрождении. В политике...^a

^a Далее текст завершения главы утрачен.